

И. А. Гончаров. Е. Е. Барышов (Некролог)

Оригинал находится [здесь](#).

6-го октября скончался скоропостижно, от апоплексического удара, здесь, в Петербурге, некто Ефрем Ефремович Барышов.

Имя - почти неизвестное в литературе: только в прошлом и нынешнем годах появились в печати и прошли едва замеченными переводы его, в стихах, двух трагедий Корнеля: "Сида" и "Родогуны" и "Каина" Байрона. Между тем вся жизнь Барышова, смолоду, в течение каких-нибудь сорока или пятидесяти лет, была посвящена литературе: редко можно встретить пример такого страстного напряжения сил, какие он положил, чтобы достигнуть серьезного значения в литературе, на какое бы ему давали право - его пытливый ум, многосторонние познания и непрерывный труд.

В этом отношении, т. е. как образец самобытной, цельной натуры, непреклонной силы воли и несокрушимой энергии в стремлении к избранным себе целям - жизнь покойного заслуживает общественного внимания.

Кончив курс в московском университете, в начале 30-х годов, по словесному факультету, он прямо от лекций лучших тогдашних профессоров словесности и эстетики, Надеждина, Давыдова и Шевырева - перешел к делу, к работам в области изящного. Он увлекся на этот путь общим стремлением на него молодежи, с свойственной юности самоуверенностью и самолюбием. Словесники были тогда в первых рядах общества, самыми видными, а при таланте - блестящими и почти единственными представителями интеллигенции. Выбирать было не из чего: других каких-нибудь специальных сфер умственной, ученой, технической деятельности, на которых можно бы было испытать свои способности и силы для жаждущих труда и дела - не представлялось, особенно деятельности независимой, самостоятельной. Были, конечно, науки, была и небольшая группа ученых людей: физиков, химиков, физиологов, но все это пряталось в тени ученых приютов, академий, университетов, а в общество, в практическое дело, исключая разве медицины, почти не переходило, а если и переходило иногда, то больше по казенной надобности: ученые были непременно и чиновники.

Поэтому и Барышов, как многие тогда, искавшие своего пути и призвания, примкнул к словесникам, начал писать стихи, потом драматические пьесы, повести, кроме того, еще изучил вполне технику музыки и попробовал свои силы и в сочинении: но из этого всего напечатал только какую-то поэму, да несколько романсов. И то, и другое прошло незамеченным, и лишь вызвало два-три мимоходных отзыва в журналах.

Тут его постигло первое разочарование: уложив несколько лет в бесплодную и неблагоприятную борьбу, он, конечно, сознал, что творчество в изящном - не его сфера, что здесь труда, энергии и непреклонной воли мало, и нужна искра того огня, который зовется "священным", и который не покупается усилием, а посылается природою на избранные головы - даром. Словом - талант.

Всякого другого такое разочарование в своих силах и способностях могло бы навсегда охладить к попыткам к какой-нибудь творческой деятельности. Но эта упорная борьба, кажется, только раздражила еще более энергию Барышова; он остановился на время, как будто собираясь с силами, продолжая, между тем, читать, изучать то, другое, третье, что попадалось под руку. И в то же время он был педагогом, преподавал словесность, и кажется, историю, в разных учебных заведениях. Всего этого было мало для его ненасытного трудолюбия. Аналитический ум, знание математики повели его от поэзии и музыки в противоположную сторону, на поле точных наук: но и здесь он избрал ту из них, в которой открывался широки простор для творческого ума - именно механику. Ему представлялась бесконечная, заманчивая даль открытий и изобретений: пища богатая, но доступная опять-таки тем же творческим силам, в которых ему, очевидно, было отказано.

Он задался некоторыми задачами из механики, изучил всю литературу этой науки, на трех языках: французском, немецком и английском, составлял планы изобретений, чертежи, проекты - все образчики изумительного терпения,